

Шекспировский мемориальный...

В САМОМ оживленном промышленном районе Англии, неподалеку от крупнейшего металлургического центра страны — кипучего Бирмингема, притаился в садах и парках древний городок Стратфорд-на-Эвоне. В нем всего пятнадцать тысяч жителей, но его знают во всем мире. Именно здесь четыреста лет назад родился Уильям Шекспир.

Сюда изданные стекаются со всех концов земного шара почитатели великого поэта осмотреть приземистый коттедж, где он увидел свет, и поклониться его скромной могильной плите, украшенной стихами старинной эпитафии. Над гробницей на-под арки стены выступает горельеф человека в широком гофрированном воротнике и с гусиным пером в руке. В 1877 году в месте его рождения решено было создать живой памятник «вечнее меди» — не статую, а «шекспировский мемориал», призванный творчески утверждать во всем мире его бессмертное наследие.

Этот монумент состоит из трех институтов — обширной библиотеки для изучения всех проблем жизни и творчества Шекспира, картинной галереи, посвященной всем событиям его эпохи, и драматического театра, воплощающего исключительного его неумирающие образы. Это единственный в мире театр одного автора.

Главное задание Стратфордского театра — явить всем народам шекспировскую

драматургию в ее совершенном воплощении. С берегов зернового Эвона актеры труппы несут свое искусство во все страны мира. На днях они подняли после таинственной в Ленинграде свое знамя с гербом Шекспира в Москве. На родовом щите великого трагика изображен геральдический гриф, потрясаящий копьем. Отсюда старинное наименование Шекспира — потрясатель сцены.

Это прозвище как нельзя лучше подтвердил первый спектакль стратфордцев — «Ромео и Джульетта». Режиссер-постановщик Глен Вайем Шоу последовательно осуществил основной принцип своей сцены — непрерывно вносить новое в режис-

суру и актерскую игру, сохраняя во всей неприкосновенности тексты Шекспира — никаких сокращений, перестановок, приспособлений или переделок, от которых так страдала эта великая драматургия на протяжении нескольких столетий. Вот почему история веронских влюбленных здесь так необычно начинается «хором»: герольд в красной мантии произносит пролог о смертельной прикляде и могучей любви. Слышится голос Шекспира, возвещающий о великом счастье жизни, о ее незабываемом трагизме.

И вот возникают образы, и несущая вихревым темпом события итальянской любовной новеллы, перерастающие в величайшую человеческую трагедию.

Молодой Ромео Монтеки впервые увидел на карнавальном празднестве юную Юлию Капулетти. На другой день они уже тайно обвенчаны. В ту же ночь супруги расстаются навсегда. Через несколько дней их тела ждут погребения в родовой усыпальнице.

В мировой драматургии нет более стремительного нарастания действия и более бурного развития характеров. От счастья первых встреч «почтинейшая повесть» устремлена к своей финальной катастрофе. Таким безудержным ритмом охвачен весь спектакль. Одним порывом охвачены все эпизоды и увлечены все актеры. Вековой классический шедевр проникнут трепетом современности.

Мы никогда не видели на сцене той Джульетты, какую раскрыла нам Дороти Тьютин: никакой сентиментальности, слезливости, жалобности, пожеженности или слащавой миловидности — все выдержано в сильных и глубоких тонах, все раскрыто с подлинной суровостью жизни, во всей ее внезапной и неумолимой красоте.

Шаловливая девочка, резко пляшущая с фантелом под тусклыми люстрами веронского палаццо, в одно мгновение превращается в женщину, охваченную могучим чувством и пораженную глубиной и величием неведомой ей жизни. Голос подростка приобретает драматический тембр и начинает звучать весенней грозой всемогущей любви. Но безмерная радость уже омрачена великой тревогой. В счастье зарождается ужас: ее захватила чудовищная страсть, она полюбила смертельно врага своего рода.

Это напряженное внутреннее противоборство влюбленной девушки артистка проводит с нарастающей силой через все знаменитые сцены драмы — в саду, на балконе, в спальне, в склепе, достигая под конец высокого и потрясающего трагизма. Перед нами подлинная героиня эпохи Возрождения, отчаявшаяся погибающая в битве за свое право на счастье.

Таким же новым, простым, человечным и мужественным выступает в спектакле Ромео в исполнении Ричарда Джонсона. Перед нами молодой человек в скромной одежде, полный сил и влюбленный в жизнь, решительный и смелый, порывистый и страстный, увлеченный карнавальными масками и превосходно фехтующий. В своей непосредственности он близок современному зрителю и воспринимается как живая и привлекательная фигура.

Вокруг этих центральных персонажей развертывается целый мир вражды и ненависти. Личные судьбы героев переплетаются с неумолимыми конфликтами их феодальной среды, и высшая правда человеческих отношений растоптана железной поступью родовой розни и кровавой мести.

Отсюда богатейшая галерея сценических типов, воссоздающая в

своих живописных портретах эпоху высоких мыслей и тайных преступлений.

Знатное общество старинной Вероны возмужавший тучный и пышный синьор Капулетти, выступающий в колоритном исполнении Марка Дигнэма самовлюбленным и скудоумным представителем патрицианской аристократии, равнодушной к страданиям и гибели людей.

Его супруга в трактовке Рэйчел Кемпсон — один из самых сильных образов спектакля. Безразличная и холодная, оплакивающая лишь своего племянника Тибальта и неспособная понять сердечную драму своей родной дочери, она остается «прекрасной дамой» своего блестящего и бездушного круга, скрывающей мертвенность души под изысканным облачением и утонченными манерами.

Но в семье Капулетти есть и подлинная представительница народа — это кормилица Джульетты. Ее простой и трогательный образ превосходно воплощает артистка Анджела Бэдделл.

Менее отчетливо обрисован другой покровитель молодых — монах Фра-Лоренцо. В исполнении Сирилы Лисхэма есть и доброта, и сочувствие к тайным влюбленным, и желание старца устроить их счастье. Но шекспировский монах захвачен передовыми течениями новой освободительной мысли. Его недаром сравнивали с Джордано Бруно, сожженным на костре за свое волюнтарство. Здесь контуры исторического портрета требуют большей глубины и черты образа должны быть характернее и драматичнее.

Зато с большим мастерством воплощен жизнерадостный Меркуцио даровитым актером Эдуардом Вудвордом. Легкость, гибкость, юмор и саркастичность неудержимо увлекают зрителя богатством сценических красок.

Оригинален Парис в исполнении Майкла Мичэма. Это не самодовольный титулованный щеголь, пренебрегающий согласием невесты на брак с ним, это тоже прекрасный юноша эпохи Возрождения, искренне влюбленный в Джульетту. В нем есть нечто от Ромео, но больше задумчивости и утайной любви.

Противоположный тип мрачного фанатика и безжалостного убийцы Тибальта энергично лепит Рон Хедрик, чье искусство свободно от всякого мелодраматизма.

Спектакль оформлен художниками Мотли в легких конструкциях, не вполне соответствующих стилю актерского исполнения, где шекспировский стих звучит, как бытовая речь.

Поставленная с предельной простотой и максимальной выразительностью, знаменитая трагедия раскрывает силу могучих характеров и красоту чувств в полном соответствии с творческим стилем великого трагика-поэта, мощно воссозданным вдохновенными художниками из его родного Стратфорда-на-Эвоне.

Л. Гроссман,
доктор филологических наук.

НА СНИМКЕ: сцена из спектакля «Ромео и Джульетта». Ромео — артист РИЧАРД ДЖОНСОН, Джульетта — артистка ДОРОТИ ТЬЮТИН.

Фото В. ЕГОРОВА (ТАСС).

ВЕЧЕРНЯЯ
МОСКВА 3 стр.

27 ДЕКАБРЯ 1958 ГОДА